Поколение «революционного перелома» и современность: поиск баланса между традицией и инновацией

Рецензия на книгу: Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю., Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А., Якимов К. А. (2025). Российская деревня первой трети XX века: поколение «революционного перелома». М.: Квадрига. — 504 с. ISBN 978-5-91791-551-7

И. В. Гончарова, Г. С. Чувардин

Ирина Валентиновна Гончарова, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики, Государственный университет управления. 109542, Москва, Рязанский просп., 99. E-mail: 79208195393@yandex.ru

Герман Сергеевич Чувардин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95. E-mail: wodantag@mail.ru

EDN: XPYMRH

История российской деревни первой трети XX века — это история глубоких социальных потрясений на фоне трансформации традиционного уклада и судеб поколения, оказавшегося на переломе эпох. Коллективная монография «Российская деревня первой трети XX века: поколение “революционного перелома”» предлагает анализ этого критического периода, раскрывая сложное переплетение революционных событий и советской модернизации, определившего жизненные стратегии молодых участников событий.

На протяжении последнего столетия российское сельское общество неоднократно сталкивалось с масштабными модернизационными вызовами, имеющими как принципиальные различия, так и поразительные сходства. В первой трети XX века радикальные преобразования начались со Столыпинской аграрной реформы, продолжились революционными потрясениями и достигли апогея в период коллективизации, что привело к коренной ломке традиционного уклада сельской жизни. Аналогичным образом первая треть XXI века ознаменовалась цифровой революцией, которая столь же кардинально трансформирует социально-экономические отношения, в том числе в аграрном секторе. Реалии современности актуализируют изучение исторического опыта.

Демографические процессы в обе эпохи развивались отчасти по схожим сценариям: массовая миграция молодежи в города, разрушение традиционной патриархальной семьи и фундаментальное изменение репродуктивных стратегий. Если в начале прошлого века эти процессы были связаны с индустриализацией и политикой раскрестьянивания, то сегодня они обусловлены урбанизацией и изменением ценностных ориентаций новых поколений.

Параллель можно провести в сфере кризиса идентичности. В 1920–1930-е годы он проявлялся через разрушение религиозных и общинных ценностей, острый конфликт поколений и идеологизацию сознания посредством комсомольской организации и антирелигиозной пропаганды. Современный кризис идентичности, вызванный глобализацией и массовой культурой, особенно заметен в молодежной среде и проявляется в размывании традиционных ценностей и культурных ориентиров.

Наконец, в обе эпохи наблюдалось возникновение новых форм социального расслоения. В прошлом веке ключевыми факторами мобильности были партийная принадлежность и доступ к образованию, сегодня же социальные лифты связаны в первую очередь с доступом к цифровым технологиям и качественному образованию, что создает новые виды «цифрового неравенства» в сельской местности.

Сейчас как никогда важно изучать исторические аналогии. Анализ того, как сельское общество реагировало на модернизацию в начале XX века, помогает понять возможные сценарии развития современных сельских территорий. Постоянно действующим фактором остается конфликт поколений: молодежь была и остается агентом изменений, а старшее поколение — носителем традиционных ценностей. Исторический опыт показывает, как подобные конфликты могут как разрушать, так и обновлять социум.

В 1920–1930-е годы комсомол и коллективизация стали инструментами управления сельскими изменениями. Сегодня аналогичную роль могут играть новые формы гражданской активности.

Современные вызовы — цифровизация, демографический спад, кризис идентичности — во многом повторяют логику модернизационных потрясений начала XX века. Однако сегодня у нас есть уникальная возможность учиться на историческом опыте, чтобы не просто констатировать кризис, а находить пути устойчивого развития сельских сообществ.

Данная монография актуальна не только для историков, но и для социологов, политологов, специалистов по сельскому развитию и молодежной политике. Понимание того, как предыдущие поколения переживали эпохи радикальных изменений, позволяет выработать стратегии, способные смягчить социальные последствия современных трансформаций.

Новаторский подход монографии заключается в рассмотрении первой трети XX столетия как целостного революционного трансформационного периода, преодолевающего традиционную совет-

скую историографическую схему с ее жестким разделением на эпохи «до» и «после» 1917 года. Об этом методологическом выборе писал В. В. Бабашкин[1], отмечая, что такой подход позволяет по-новому осмыслить глубинные социальные процессы, выходящие за рамки формальных политических событий.

Концептуальным стержнем исследования становится анализ истории через призму поколенческого подхода. Авторы рассматривают, как сменяющие друг друга поколения русских крестьян переживали и осмысляли череду радикальных изменений, акцентируя внимание не столько на институциональных изменениях, сколько на процессах политической социализации различных возрастных групп. Как справедливо отмечает В. Б. Безгин: «Повзрослевшие дети, побывавшие на фронтах Первой мировой войны и привитые насилием, вернулись домой, многие с оружием, чтобы отомстить за порки отцов, и посредством “черного передела” обрести вожделенную землю»[2].

Особую ценность представляет исследование механизмов формирования политического сознания: 1) поколения, вступившего в сознательную жизнь в 1900-е годы и пережившего крушение монархии; 2) «фронтового поколения» 1914–1917 годов; 3) молодежи 1920-х годов, чье мировоззрение складывалось под влиянием советской власти.

Такой подход позволяет проследить преемственность и разрывы в ценностных ориентациях, выявить как постепенную эволюцию, так и революционные скачки в массовом сознании: «Оценивая в целом взаимоотношения “отцов” и “детей” в крестьянской среде после революции, правильнее говорить даже не о конфликте поколений, а о глубоком разломе, разрыве поколений» (с. 216).

Авторы анализируют, как различные возрастные группы адаптировались к меняющимся политическим реалиям, как происходила трансляция ценностей, представлений о власти, справедливости, социальном порядке.

Важным достижением исследования становится демонстрация того, что ключевые изменения в крестьянском менталитете и поведенческих моделях не укладываются в рамки официальной периодизации, а представляют собой протяженный во времени процесс, где политические события 1917 года стали скорее катализатором уже идущих глубинных трансформаций, чем их началом.

Такой хронологический и поколенческий подход важен для понимания природы революционных изменений как длительного социального процесса и особенностей передачи политического опыта между поколениями в условиях этих изменений.

Историческое исследование представляет интерес для современного читателя и с точки зрения исторического опыта молодежной по-

1. *Бабашкин В. В.* (2024). История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации. СПб.: Лань.
2. *Безгин В. Б.* (2023). Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905–1907 годов // Крестьяноведение. Т. 8. № 3. С. 74.

литики. На данном отрезке времени особую значимость приобретает формирование национальной идентичности. Этот процесс, имеющий глубокие исторические и культурные корни, напрямую связан с вопросами государственного суверенитета, гражданской консолидации и стратегического развития общества. Особую роль в данном контексте играет молодежь, которая не только отражает текущие социокультурные тенденции, но и формирует образ будущего. Поэтому изучение исторического опыта реализации молодежной политики представляется крайне важным для выработки эффективных механизмов воспитания новых поколений в условиях современных вызовов.

После революции 1917 года большевики осознали ключевую роль молодежи в укреплении новой политической системы. Молодое поколение рассматривалось не только как движущая сила социальных преобразований, но и как гарант преемственности власти. В годы Гражданской войны поддержка молодежи стала одним из факторов победы. К концу 1920-х годов комсомол и пионерская организация превратились в мощные институты политической социализации, обеспечивавшие массовую мобилизацию молодых людей для проведения индустриализации, коллективизации и культурной революции.

Сложившаяся в СССР система воспитания («октябрята — пионеры — комсомольцы — партия») демонстрировала высокую эффективность в формировании лояльного и идеологически мотивированного поколения. Этот опыт, несмотря на свою противоречивость, представляет значительный интерес для современных исследований в области молодежной политики.

В условиях информационных войн вопросы идентичности становятся ключевыми для обеспечения суверенитета и социальной стабильности. В этой связи актуализируется проблема поиска оптимальных моделей молодежной политики, сочетающих традиционные ценности и современные технологии воспитания. Исторический опыт СССР, несмотря на идеологические различия, позволяет выделить ряд принципиально важных механизмов, в том числе системность, идеологическую мобилизацию, а также создание условий для самореализации и карьерного роста в рамках официальных институтов — социальных лифтов.

Изучение механизмов формирования идентичности, методов политической социализации и роли молодежных организаций дает возможность определить потенциал адаптации исторических моделей к современным условиям.

Особое внимание в монографии уделяется вопросам преемственности поколений, влияния идеологии на массовое сознание и баланса между традиционными ценностями и модернизационными процессами. Полученные результаты будут способствовать углубленному пониманию роли молодежи в сохранении национально-культурного кода России.

Осмысление роли молодежи как одновременно агента изменений и объекта идеологического воздействия приобретает особую значимость в контексте современных информационных войн. Истори-

ческий опыт 1920–1930-х годов наглядно демонстрирует, как молодежь, будучи наиболее восприимчивой социальной группой, может становиться инструментом масштабных социальных преобразований, а также жертвой манипулятивных технологий. В условиях сегодняшней цифровой реальности, когда информационное воздействие приобрело глобальный характер и невиданную ранее интенсивность, эти исторические уроки требуют особого осмысления.

Проблема этичности методов идеологического воздействия на молодое поколение, поднятая в исследовании советского периода, трансформировалась в вопрос о границах допустимого в пропаганде. Современные технологии позволяют осуществлять влияние на сознание молодежи с беспрецедентной точностью и персонализацией, что ставит новые этические дилеммы перед обществом. Как и в 1930-е годы, когда антирелигиозная пропаганда сознательно разрушала межпоколенческие связи, сегодня мы наблюдаем попытки различных сил искусственно конструировать ценностные разрывы между поколениями через цифровые медиа.

Особую тревогу вызывает воспроизводство исторического феномена вовлечения молодежи в борьбу с «пережитками прошлого» — теперь эта риторика эволюционировала в различные формы «отмены истории». Современные информационные войны, как и столетие назад, эксплуатируют естественный юношеский максимализм и протестный потенциал, но делают это с применением алгоритмов социальных сетей.

Проблемы, затронутые в монографии, напоминают, как важен исторический опыт для выработки этических стандартов работы с молодежным сознанием и сбалансированных подходов к патриотическому воспитанию, избегающих крайностей как огосударствления, так и полного невмешательства.

Изучение механизмов социальных лифтов и трансформации сознания молодежи в 1920–1930-е годы представляет особую ценность для формирования современной молодежной политики. Исторический анализ показывает, что такие инструменты, как образование и участие в молодежных организациях (на примере комсомола), действительно становились мощными каналами социальной мобильности для крестьянской молодежи. Однако монография убедительно демонстрирует и «цену» этих преобразований — болезненный разрыв с традиционными ценностями, подмену религиозных символов квазирелигиозной советской мифологией (замена религиозного чуда «советским чудом») (с. 266).

Современный поиск объединяющих идеологических конструктов и культурного кода, акцент на духовно-нравственных ценностях требуют вдумчивого осмысления этого исторического опыта. Важно понимать, с точки зрения организационной модели, советская система («октябрята — пионеры — комсомол») демонстрирует эффективность последовательной системы вовлечения молодежи через все возрастные группы. Современные попытки создать сквозное

движение («Движение Первых») действительно учитывают этот организационный урок, но должны избегать идеологического моноцентризма 1930-х годов. С точки зрения идеологической работы урок заключается в необходимости избегать радикального отрицания традиций (как в 1920-е) и находить баланс между инновациями и преемственностью. Главным антиуроком советского опыта является разрушенная межпоколенческая коммуникация, которая привела к тяжелым социальным последствиям. Современные программы должны выстраивать диалог, а не конфронтацию возрастов.

Важно подчеркнуть: речь не о копировании советских моделей, а о творческом переосмыслении их эффективных элементов с учетом современных реалий и при обязательном учете «опыта боли», зафиксированного в монографии. Историческая перспектива позволяет отделить организационно-методические находки (которые могут быть адаптированы) от идеологических крайностей (которые должны служить предостережением).

Такой аналитический подход особенно важен сегодня, когда молодежная политика находится в поиске между инновационностью и традиционностью, создавая новые форматы гражданской социализации молодого поколения.

Научная значимость данной работы определяется тем, что впервые реконструированы судьбы крестьянства в контексте поколенческого подхода, продемонстрирована роль молодежи как агента изменений и жертвы идеологического воздействия и озвучена проблема этичности методов советской пропаганды, вовлекавшей детей в борьбу с «пережитками прошлого».

Необходимо отметить, что этот труд вносит вклад в понимание механизмов социальных изменений в кризисные периоды и имеет значение для современных исследований сельских сообществ и исторической памяти.

Generation of the “revolutionary turning point” and the present time: In search of a balance between tradition and innovation

Review of the book: Bezgin V. B., Vyazinkin A.Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. A. Russian Village of the First Third of the 20th Century: Generation of the “Revolutionary Turning Point”. Moscow: Quadriga, 2025. 504 p.

Irina V. Goncharova, DSc (History), Associate Professor, Leading Researcher, Research Institute of Public Policy and Management of Industrial Economy, State University of Management. Ryazansky Pr., 99, Moscow, 109542, Russia.
E-mail: 79208195393@yandex.ru

German S. Chuvardin, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Oryol State University named after I. S. Turgenev. Komsomolskaya St., 95, Oryol, 3022026, Russia. E-mail: wodantag@mail.ru